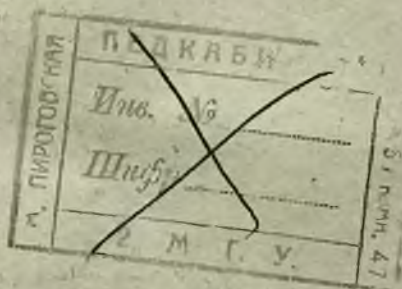

ТАНЮШКИНА
НЕЗАДАЧА

Т Е А - К И Н О - П Е Ч А Т Ь .
1 9 2 9

202702

Отпечатано в 18 типографии „Мосполиграф“
имени М. И. Рогова (Петровка, 38)
в количестве 6.000 экз.
Главлит № А—18.254.

Библиотечный фонд
Д. И. П. М. И. Р. О. Г. О. В. А.
С. П. Б. С. С. С. Р.
С. П. Б. С. С. С. Р.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Елена Петровна—средн. роста, полная, нос кверху, пенсне, вздорная, бой-баба.

Иван Дмитрич—ее муж, бухгалтер, несмелый, неуверенный, мягкий.

Леночка—их дочь, пионерка 12 лет.

Мика—их сын 10 лет.

Танюшка—их прислуга 13 лет.

Мать Танюшки.

Сестра Линька—10 лет.

Ванятка—8 лет.

Арина Николаевна—жилица Елены Петровны, метельщица.

Тетя Катя—сестра Елены Петровны, важная, самодовольная, держит палатку на Сухаревой.

Дядя Микол.

1-ая }
2-ая } девочки в деревне.
3-ая }

Шура }
Ольга }
Вера } пионеры.
Костя }

Витя }
Жилица }

Российская государственная
вузовская библиотека

643384 кх-рег

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА I-ая

Деревенская захудалая изба. Лавка, стол, в углу постель, напротив дверь в сени, налево печь. День, за окнами снег, солнце. В избе трое чужих девочек лет 12—14 в тулупах, платках. Линька лет 10, Ванятка лет 8—раздетые. Все у окна.

1 - а я дев. Глянь-ка, глянь-ка... Даром, что очкастая, а враз видать—барыня настоящая. Ишь, шапка из лисицы, воротник лисий.

2 - а я дев. Барыня... тоже скажешь. Теперь барынев нету... Все гражданки (*всплеснула руками*). А лезет-то, лезет из саней как. Того гляди, сани за собой потягнет, в снег кувыркнет.

Все хохочут.

3 - я дев. Нет, на очки гляньте, девочки, на очки! И как держатся, так просто, без ничего. Верхом на кончике носа, а от краюшка в бок, за ухо за одно,—нитка.

За стеной звон бубенчиков на лошади.

2 - а я дев. А Танюшка-то наша, глянь-ка... сама не своя... притихла.

1 - а я дев. За матерью прячется, застыдилась.

3-я дев. И застыдилась, и сробела... Она. Танюшка, несмелая.

2-ая дев. То все хвалилась. и ехать не боюсь, и город в охотку поглядеть, а то—глянь... Ровно подменил кто—стихла.

Линька (угрюмо). А неш от матери ехать—веселье?

Ванятка. А хвалилась зачем?

1-я дев. Это ведь дядя Микола Танюшку на место определил. В город картошку возит, во дворе в одном тетенька девчонку в услужение просила. Он, значит, Танюшку ей.

2-ая дев. Теперь Танюшка наша из городу придет—не узнаешь. Что башмаки новые, что платье, что одежку—все на себя заработает.

3-я дев. Ой, идут, идут в избу.

2-ая дев. Хи, хи, хи! Занятно.

Все трое жмутся к стенке.

Линька (лукаво). Я боюсь. Я лучше на печку схоронюсь... Оттель повиднее.

Ванятка. А я под лавку.

Входит Елена Петровна, мать, Танюшка, в дверях дядя Микол.

Дядя Микол. Так я покудова домой поеду, лошаць покормлю. Ужотка кликнете, как понадобится.

Мать. Ладно, ладно... Ребята сбегают. (К Елене Петровне). Не оступись тут, милка. У нас просто, с непривычки и ногу сломишь.

Елена Петровна (*важно, стараясь отдышаться*). Да, давно я в деревне не была. А чистая у вас изба все же.

Мать. Как не быть чистой. Сама мою, сама дом ухаживаю. Шубу вот сюда на гвоздок... Дай-кось, я сама. (*Вешает*).

Девочки у стены хихикают, выталкивают вперед Танюшку; та отмахивается.

Мать. Ну, вы чего тут возитесь. Без вас дело обойдется... идите, идите, гуляйте себе на воле...

Лицка (*высовывается из - за трубы*). Пи...и...и... Пи...и...и.

Мать грозит ей пальцем, открывает девочкам дверь. Девочки с ужимками, смешками выходят. 3-я девочка, выходя, копирует Елену Петровну.

Мать. Тань... Самоварчик на стол поставь. (*К Елене Петровне*). Мы и самоварчик, тебя дожидаячись, распустили. Вот сюда, на лавку садись, к теплу поближе.

Танюшка подает самовар, садится на лавку под печкой. В окне показывается смеющаяся рожица 3-ей девочки. За ней другие. Мать подходит к окну, они с хохотом, с визгом убегают.

Елена Петровна. Чайку я поплю с удовольствием... А вы сами-то что же? (*Наливает себе*).

Мать (*режет пирог*). До чаю ли мне. (*Качает головой*). Кабы не нужда горькая, кабы жив был отец... (*Краем платка вытирает слезинку*).

Елена Петровна (*поправляет пенснэ*). Без мужа, конечно, трудно... трое ребят. (*Пьет чай с блюдечка*). А ей у меня худо не будет, сама мать, свои дети есть. К работе приучена? Все дома работает?

Мать (*вынимает кашу из печки, ставит на стол*). Ко всему, милка, ко всему. И воды из колодца, и на речку... оно хоть за мамынькой и не очень, чтоб тяжело, да не век и с мамынькой жить-то. Конечно, в городе не как у нас, по-иному. Чего не знает,—покажешь. Она девка с разумом, не то, чтоб какая дуручка.

Елена Петровна (*сама наливает себе второй стакан, режет хлеб, намазывает маслом*). Вот и прекрасно!

Во время слов Елены Петровны Линька спускает руку с печки, дотрагивается до головы Танюшки. Та поднимает глаза. Линька кивает головой в сторону Елены Петровны, надувает обе щеки, показывает, как та ест.

Мать. Главное дело—одежки не справить никак. Трое ведь. Что обувка, что одежка—не осилишь.

Елена Петровна. А я и одевать буду. Там кофточка, там юбка, а подучится,—жалованье положу, обязательно положу. Вам помогать станет, полегче... ай... (*вскакивает*). Там у вас собака, что ли, ворочается?

Мать. Что ты, что ты... неш пса в избу лущают? (*Нагибается*). Ванятка, чумовой, ты с чего это? Вылазь отсюда. Вот я тебя.

Ванятка (*вылезая, накупившись*). Да... а Линька зачем на печку спряталась?

Линька (*выглядывая, лукаво*). А потому—треюсь.

Елена Петровна (*деланно улыбаясь*). Налугал меня... Озорные они у вас, верно. Без отца растут. (Танюшке *полушутя, полусерьезно*). Ты что ж, тоже такая? (*Усаживается допивать чай*).

Танюшка, смущенно улыбаясь, закрывается рукавом.

Елена Петровна. О, да ты еще дикарка порядочная, отвечать не умеешь, когда тебя спрашивают. Тебя учить да учить.

Мать (*горько*). В людях-то научат... всему... (*Долго печально смотрит на Танюшку*). Уж ты учи ее, Елена Петровна, да больно строга-то с ней не будь. Сирота ведь. Несмелая она у меня. Вот Линька—та себя в обиду не даст, а эту... кто хошь обидит.

Елена Петровна. Ну, на этот счет будьте покойны... Сама мать, свои дети есть... (*Вскидывая пенснэ*). Ты что же, Таня, в город ехать хочешь?

Танюшка (*смущенно*). Больно охота город поглядеть.

Елена Петровна. Вот и поглядишь... Привыкнешь—домой не захочешь. (*Встает из-за стола*).

Мать (*вздохнув*). Скучать будет.

Танюшка широко раскрывает глаза, точно соображает что-то.

Елена Петровна. Ну, мы ей скучать не дадим. Она как у вас, вообще, девка крепкая? Нить не любит?

Мать. Да как сказать... дите, известно. Из дому-то в люди в первый раз.

Елена Петровна. Ну, в какие люди... Нас весь двор знает, уж мы чужого не обидим. За это будь-

те спокойны. (Смотрит на часы в браслетке). Однако время... к обратному поезду поспеть надо. Лошадьми ведь долго ехать. Ты собирайся пока, Таня. Ну что же ты стала да молчишь... Стенку ковыряешь. (Наставительно). С матерью расставаться не так легко. Подожди, поговори, попрощайся.

М а т ь. Что расставаться, что отпускать... одинаково. (Всхлипывает).

Танюшка тихо клонит голову, к стене рукой, нос в рукав... заплакала.

КАРТИНА II-ая

Кухня в городе. За окнами ночь. Ветер. Танюшка моет у стола посуду. Жилица полощет в корыте белье.

Т а н ю ш к а. В деревне... Неш деревню к городу станешь равнять? В деревне дров пропасть, поехал, нарубил, а тут срамота. Воз на запас купили—берегут. Свою печку топят, а кухню... Когда в неделю раза два, а когда и раз. А как в ей нетопленной спать. Ляжешь—рук-ног не разогнешь.

Ж и л и ц а. Что ж в комнатах-то не кладут?

Т а н ю ш к а. Нельзя, говорят, воздух порченный. А Леночка от бабушки приедет—совсем теснота, говорят, тебе там на пользу, крепче будешь. (Вытирает посуду). Это все б ничего, а вот боязно тута спать одной—смерть. Уж я под дверь просилась, на полу, в сенях-то все поближе к людям. Нельзя, говорит Елена Петровна. А уж боязно мне до чего тута.

Ж и л и ц а. Ну, боязно... Чего бояться-то?

Т а н ю ш к а. Одна потому что... Ночь чужая в окошко глядит, Москва гудит, ровно тебе лес в непогоду. *(Вздыхает)*. Она, Линька, на печке сейчас, Ванятка в ногах у маманьки—им метель нипочем. Ишь, он, ветер, вон как разливается... как начнешь это в постели думать.

Ж и л и ц а *(выкручивает белье)*. А ты засыпай—не думай. Взяла бы тебя к себе, да сама знаешь, спать негде, четырнадцать аршин. У твоих хозяев семьдесят аршин на троих, на сундуке тебя могли бы, пока холодно, пристроить. Да... дела... А ты лежи, про все хорошее вспоминай, тебе повеселей будет. Крепче будь... жизнь крепких да стойких любит.

Т а н ю ш к а. Хорошее поминай. Об хорошем ли тута память, как это тебе одним плохим голову задолбили: делай так, делай смяк, делай энтак. А нешь упомнишь все. Ведь вон чужого по-городскому как надоть встречать. Войдет—шубу с его снимать, уходит—подавать. И еще нагнуться—калоши подать. Дверь запереть—оприч ключа, на цепочку, а ежели зазвонится кто, без спросу не пущать, уж обязательно: кто идет?.. Вот и упомни все. Тут голова—во какая нужна. Через колышек через один й то беды не оберешься.

Ж и л и ц а *(выливает в ведро воду)*. Это через какой же?

Т а н ю ш к а. А у двери что. В бок вертеть, свет гасить... За свет деньги плочены. Сама кричит—скорей неси, скорей бери, скорей беги. Побежишь, про колышек и не упомнишь.

Дверь в переднюю на распашку, на пороге Елена Петровна.

Елена Петровна. Татьяна, опять в ванной кран не завернула. До каких пор тебя учить? Голова у тебя на плечах есть?

Танюшка *(виновато)*. Есть...

Елена Петровна. Дура. *(Хлопает дверью)*.

Жилища. Поздравили.

Танюшка. Больно уж она сурьезна, Елена Петровна-то. Нет, сам не такой, сам ничего, Иван Митрич... Ученый. Булгактер. Как со службы придет, все на счетах щелкает, по ночам свет жжет. Чудной. На что Мика озорной, а и то нипочем на Мику не крикнет. А уж меня-то. *(Смется)*. И вовсе чего приказать боится... через жену о чем надоть просит. Как звать, никак не упомнит, чего только не удумает. И Манюшка, и Аксюшка—смех. Там споткнется, там стакан не углядит, разобьет. Мечтает об чем-то, через это и смех получается.

Голос Ив. Дм. за дверью.—Лена, чайку у тебя не найдется подогреть?

Елена Петровна *(в дверь)*. Брось посуду, коли лучину, самовар подогрей. Тише коли, а то снизу прибегут. Да скорей поворачивайся, не спи. Успеешь отоспаться. *(Уходит)*.

Жилища. Вон как. Мика-то у вас уже спит.

Танюшка. Эва! Мика, почитай, уж полночи проспал.

Жилища. А как ты так «успеешь отоспаться». Эх, дела, дела. А сама ведь тоже девчонкой в ученье к портнихе отдана была, Елена Петровна-то. Знает, значит, как в чужих людях жить.. А не жалеет.. Порт-

ниха ведь она сама-то. Это она теперь, как замуж вышла, и в «барыни» норовит. Очки ей прописали, глаза болят—так она очки—низачто. Пенснэ ей подавай, и только. Пенснэ, говорит, все ученые носят. А спроси, книжки она какие когда читает?

Т а н ю ш к а (задумчиво). Что книжки... про это мне и горя мало, пушай и не читает... а вот про хлеб-то у меня думка из ума нейдет.

Ж и л и ц а. Про какой хлеб?

Т а н ю ш к а. Утрешний—за хлебом бежать. Уж боязно до чего. Ну-к затрешься промеж люду, дома свово не найдешь. И кто тебе тогда дорогу укажет, и как у чужих, у незнакомых спрашивать станешь? По лестнице идешь—ну-к, думаешь, в чужой дом попала. А как цифру семь на дверях увидишь,—враз даже от сердца отлегнет. (Зевает).

Ж и л и ц а (ставит таз с бельем на лавку, во время дальнейшего разговора подтирает пол). Ну, уж квартиру свою не так трудно запомнить.

Т а н ю ш к а. Эва... Вон Иван Митрич сколько годов в Москве живет, а и тот заблудился, в чужую квартиру позвонился... замечтался. (Ставит посуду на полку).

Ж и л и ц а. Ну, Иван Дмитрич твой—дело известное. В газету нос уткнет, а под носом у себя ничего не видит. Добрый, добрый, а какой кому толк от его доброты? Ты самовар неси да спать ложись. И не скули, смотри. Помни, как я тебя учила.

Т а н ю ш к а (задумчиво). Без маманьки тошно—ни тебе пожалиться некому, ни помочи поспросить.

Намедни дрова то лестнице тащила, духу не стало... Кабы маманька, — она подсобила бы, а тут стояла, стояла, — никому дела нет, все мимо бегут.

Ж и л и ц а (*моет руки под краном*). Смелей надо быть, попросить надо. Ну, неси самовар, да ложись. (*Идет к дверям, оборачивается у двери*). Ужинала ты, что ли?

Т а н ю ш к а (*потуясь*). Еще не давали...

Ж и л и ц а (*раздельно*). Та — а к... Вот тебе и «как своя будешь».

Смолкают обе... Ж и л и ц а глядит на Танюшку, Т а н ю ш к а в пол... Тишина, за окнами воет ветер.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Комната в Москве. Стол, стулья вокруг него. Диван, небольшой письменный стол, буфет, пианино, этажерка. В дверь налево виден комод, детская кровать. Утро. Мика пьет чай за столом. Танюшка стелет постель. Елена Петровна, с чайным полотенцем через плечо, собирает наяднос посуду.

Иван Дмитрич (*надевая пальто, шапку*). Ну, я ушел. Через часок прибегу—и писать. Вы тут убирайте поскорей, а то мешать будете.

Спешит, натывается на стул, Мика хохочет.

Иван Дмитрич (*укоризненно качает головой*). Не хорошо, не хорошо, Мика. (*Уходит*).

Мика. Мама, я к ребятам пойду во двор.

Елена Петровна. Нет, раньше полищи немного.

Мика (*хнычет*). Воскресенье... все отдыхают... один я.

Елена Петровна. Изволь сесть к окну и писать.

Мика дует губы, ворчит. Берет книжку, с силой швыряет на подоконник. С грохотом ставит стул, садится, быстро обрачивается и за спиной Елены Петровны показывает ей язык.

Елена Петровна (*у стола*). Татьяна, принеси из кухни чуточку воды горячей, посуду помыть.

Танюшка. Чичас. (Убегает).

Елена Петровна (уходит в комнату рядом. Оттуда). Пиши скорей, Мика, да на рынок со мной пойдешь.

Мика. Нужен мне очень твой рынок.

Татьяна (вносит чугунок в тряпке). Го-орячий.

Мика (от окна, прямо к ней, делает большие глаза, полные ужаса). Брось, брось. Скорей брось.

Танюшка (опешив, трах чугунок об пол).

Елена Петровна (вскрикивает). Ах... дубина... Что ты сделала? Облом деревенский, шуток не понимаешь. Ну, что ты наделала, спрашиваю я тебя?

Мика (громко хохочет. Прыгает на одной ноге). Обдурил, ха-ха-ха. Обдурил.

Елена Петровна (хватает полотенце). А ты еще хохотать. (Бросается на него).

Мика убегает от нее, на бегу хватается с вешалки шапку, обегает стол, хватается пальто, опрокидывает стул, убегает в дверь.

Елена Петровна. Вытирай пол, дура... Ребенка слушает, распустила слюни. Тряпкой бы этой да тебя по физию. Лучше подтирай, лужу оставила. (Подходит к столу, наливает воду из самовара в полоскательницу, моет посуду. Раздраженно, зло). Хуже нет этих деревенских в прислуги брать.

Танюшка подтирает пол, рукавом смахивает слезу.

Елена Петровна. Под стулом вытри, не видишь. Глаз нет?

Звонок.

Елена Петровна (так же зло). Беги, отомри.

Танюшка (в передней). Кто идет? (Слышно, отпирает). Арину Миколавну? Это жиличку - то. Тута, тута живет. Эвон эйна дверь. (Входит, улыбается).

Елена Петровна. Когопустила?

Танюшка (восторженно). Бабу... своя, деревенская. (Пауза. Берет с полу чугунок). Больно на маманьку схожа... И роста такого же, и глаза темные, платок в клетку. (Идет к двери, оборачивается, с тоской). Избой от ей пахнет... печкой теплой... щами. (Опускает голову).

Звонок.

Елена Петровна (резко). Отопри.

Танюшка (в передней). Кто идет? (Отпирает).

В полуоткрытую дверь слышны шопот, возня в передней.

Елена Петровна. Кто там?

Молчание. Шушукание.

Елена Петровна (вставая). Кто пришел?

Фыркание, потом смех.

Елена Петровна (идет к двери). Что такое?.. (Выглядывает). Леночка, детка! Каким образом? Почему не писала?

В открытую дверь видно—целуются.

Леночка. А я так... сюрпризом. Это веселее.

Елена Петровна. Иди в комнату, не раздевайся тут. Мы кухню редко топим, простудишься. (Тянет Леночку за рукав). Жильцы топить не хотят, а мне что ж одной отдуваться? Иди же...

Леночка (со смехом). Обожди, корзинку... корзинку захвачу.

Елена Петровна. Что ты, зачем? Не поднимай. Тяжело. Танюшка понесет.

Леночка (с приветливой улыбкой в дверях). Это она-то? Да она у вас малыш совсем. А ты, мама, писала бабушке, она все делает, дрова колет, стирает.

Елена Петровна (недовольно). Ты иди в комнаты, Леночка. Успеешь еще наговориться. Холодно здесь.

Леночка, отходя, улыбается Танюшке. Танюшка в смущении закрывается локтем, хочет идти в комнату. Елена Петровна перед самым ее носом захлопывает дверь.

Леночка (вешает верхнее на вешалку). Бабушка кланяется вам всем... не хотелось ей меня отпустить. А где же Мика?

Елена Петровна. Во двор убежал. (Кричит в дверь). Татьяна, возьми кофе подогреть.

Танюшка (входит. Улыбка в сторону Леночки). На керосинке?

Елена Петровна (раздраженно). Нет, у себя на голове.

Леночка с недоумением смотрит на мать. Звонок.

Елена Петровна. Пала, наверное.

Танюшка (опрометью, с кофейником в руках в переднюю. На-ходу кричит). Кто идет?

Леночка (вскакивает за Танюшкой). Папочка.

Шум, поцелуй в передней. Входят.

2 Танюшкина незадача

Российская государственная
детская библиотека 673384

17

Леночка. Я, папа, там ребят организовала. Серьезно. Начали с бесед, потом чтение. Я все книжки им оставила. Я вот полью сейчас кофе и за дела.. дел, папка, куча. Вниз надо бежать, в клуб.

Елена Петровна. Дела твои не убегут, Сядь за стол, отдохни с дороги.

Иван Дмитрич (раздевается, садится за письменный стол с газетой в руках). А ты посвежела сильно, окрепла...

Леночка. Это от тепла, с морозу щеки горят... Тепло тут, прелесть. А в передней мороз. (В дверь). Таня, иди сюда греться.

Танюшка (с кофейником). Скипел...

Леночка. Тебе сколько же лет?

Танюшка. Тринадцать кончилось, четырнадцатый пошел.

Леночка. А с виду меньше. Ну-ка, давай мериться (вскакивает со стула).

Танюшка (шарахается в сторону, закрывает лицо ладонями). Совестно.

Все смеются.

Леночка. Ах, ты, малыш розовый. Сколько же ты жалованья получаешь, а?.. Mamочка, сколько ты ей платишь?

Елена Петровна (деланно улыбаясь). А это уж тебя не касается. Это наше с ней дело по уговору.

Иван Дмитрич (от газеты). Правда, Лена, я все забываю спросить, сколько ты ей платишь.

Елена Петровна (*вспыхнув*). Это я вам сейчас объясню. А ты, Татьяна, иди на кухню, сделай свое дело.

Танюшка уходит.

Елена Петровна (*раздражаясь*). Раз навсегда я попрошу вас обоих при прислуге о самой прислуге ничего не спрашивать. Это—во-первых. А, во-вторых, у нас с ее матерью условие—платить тогда, когда она всему научится.

Иван Дмитрич (*несмело*). Но, кажется, сейчас... кодекс законов о труде не признает безвозмездного пользования наемным трудом.

Елена Петровна. Да, но она у меня на испытании... И потом в случае чего я всегда могу сказать, что деньги, жалованье у меня! Я просто не выдаю ей на руки, хочу переслать матери...

Леночка кривит рот в усмешку.

Елена Петровна. И потом я выдаю ей прозодежду.

Леночка. Что ж ты ей выдала?

Елена Петровна. Мало что... Разве вспомнишь все сразу. Передник твой дала, косынку.

Леночка (*смеется*). Вот так прозодежда.

Елена Петровна. Но Арина Николаевна ей кофточку подарила.

Леночка. Арина Николаевна, но не ты.

Иван Дмитрич. Ты не забудь про обувь, обувь прежде всего... а затем платье.

Елена Петровна (*примиряюще*). Ну, успокойтесь. Я ей давно юбку свою собираюсь отдать. (Ухо-

дит в комнату рядом, видно—роется в нижнем ящике комода; несет).

Танюшка (в дверь, робко). Войтить можно? За полотенчиком.

Елена Петровна. Вот, Таня, тебе за труды юбка. Она тут порвана немного, а вот тут слиняла. Тебе Арина Николаевна перешьет, куски эти вынет, и получится прекрасная юбка. Бери. (Наставительно). Ну, что надо сказать?

Танюша (застенчиво ухмыляясь). Спасибо. (Идет к двери, на ходу накидывает на себя юбку, юбка волочится по полу).

Леночка (смеется). Смотри, утонешь в своей юбке.

Елена Петровна. Оставь пока юбку, сними ее. На тряпочку, пыль вытирай. (Наливает Леночке кофе, берет работу с окна).

Танюшка хлопает тряпкой по этажерке.

Леночка. Тише, ты, малыш. Не пыли мне прямо в нос. Хлопать никогда не надо, от этого пыль только больше разлетается по комнате. Надо всегда влажной тряпкой, осторожно стирать. Поняла?

Танюшка, улыбаясь, кивает головой.

Леночка. Что это у тебя в косяке, шнурок от ботинок? Я тебе ленточку дам. (Убегает в детскую, выносит). Давай, сама заплету.

Елена Петровна (кривит губы). Лена, оставь, у нее волосы грязные.

Леночка. А разве она в баню не ходит?

Елена Петровна. Была она в бане... но у них ведь всегда... гадость эта в голове, грязь.

Леночка. Да, если грязь—то почему же не вымыть голову?

Елена Петровна. Ах, Лена, как ты любишь мешаться не в свое дело. Ну, пусть на ночь поставит самовар, вымоется в кухне. Мне не жалко.

Леночка. Мамочка, но ведь там не топлено. Она, что же, там и спит?

Иван Дмитрич (*оставляя газету*). Правда, Лена, я все забываю спросить, где она у нас спит. (*Роняет газету*). Вещь кухню ты редко топишь, вернее, кухня почти не отапливается.

Елена Петровна. Во-первых, я топлю не так редко, а, во-вторых, это не так страшно. Они у себя в деревне не к такому холоду привыкли.

Танюша (*горячо*). Как-жа! Неш у нас так-то топят, по городскому? У нас натопят—во жарница. А тут ляжешь,—рук-ног не разогнешь.

Елена Петровна (*вспыхнув*). Молчать! Не смей разговаривать, когда тебя не спрашивают. Невежа, неуч. Вон отсюда.

Леночка (*вскрикивает во время ее слов*). Мама, мама.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вечер. Над обеденным столом лампа. Обед.

Мика. Еще сладкого положи... Побольше, побольше.

Иван Дмитрич. Мика, не жадничай. Надо помнить и о других.

Елена Петровна (в хорошем настроении). А о ком помнить? Все наелись, все отказались.

Леночка. А Танюшка? (Смеется). Слона-то и позабыли.

Елена Петровна. Ничуть я не позабыла твоего слона... слон свою порцию обеда получил, а обед этот для нее тоже своего рода сладкое. Они у себя в деревне о таких блюдах и понятия не имеют.

Лена. Мама, но ведь живет она не в деревне, а с нами?

Елена Петровна. Не ты пойми, что твоему отцу не по средствам прислугу сладким кормить.

Иван Дмитрич. Я—нет... Я считаю... Мой оклад жалованья настолько приличен...

Леночка (перебивая). Я с удовольствием сама съем половину, а другую...

Елена Петровна (перебивая). А я запрещаю тебе, наконец, вмешиваться в мои дела. Кто тут хозяйка, я или ты?

Леночка. Ты, мама, ты... Но я вижу, что поступаешь ты не совсем так, как нужно... Разве я не вижу—нам мясо, ей каша, нам хлеб белый, ей черный.

Иван Дмитриевич во время слов Леночки одобрительно кивает головой.

Елена Петровна. Это не твое дело.

Леночка. Нельзя так... Нехорошо так.

Входит Танюшка. Елена Петровна поводит в ее сторону глазами—знак при прислуге молчать.

Танюшка (к Елене Петровне). Твой это, что ли двугривенный?

Елена Петровна *(хватая деньги)*. Где взяла?
Танюшка. Аккурат промеж дверей. Обронила,
что-ль?

Елена Петровна *(встает и уходит в детскую)*. Да, обронила.

Иван Дмитрич *(недоуменно)*. Не ты, кажется,
и на лестницу сегодня не выходила.

Леночка сконфуженно опускает голову, неловко за мать.

Танюшка. Полезла промеж дверей за картошкой, глянь—он аккурат у двери и блестит.

Мика *(доедая сладкое)*. Жалко не я нашел. Ты б себе его взяла!

Танюшка. Смеешься! Не мной обронено, а я и буду брать, двугривенный утаивать...

Мика. Ну и дура!

Леночка. Хорошим делам ты, Мика, Танюшку учишь.

Мика. Не твое дело. *(Вскакивает из-за стола)*. Идемте скорее на Чистые Пруды, а то музыку прозеваем. *(Бежит к вешалке, по дороге толкает Танюшку)*. Ты чего толкаешься? Ты чего?

Леночка *(вспыхнув)*. Мика, как не стыдно, я видела все. Папа, ты—обрати на Мику внимание. Ведь он растет... Он прямо хулиганом каким-то становится.

Елена Петровна *(из детской)*. Вот только в воспитание Мики ты не вмешивалась. Этого еще только не хватало.

Мика *(во время слов Леночки прыгает на одной ноге и поет)*: Она меня, не я ее. Она меня, не я ее.

Иван Дмитрич. Мика, подумай хорошенько над твоим поступком сейчас.

Мика. Я на лестнице подумаю. (Уже за дверью кричит). Буду ждать вас внизу.

Иван Дмитрич (усмехается, качает головой). Бедовый малый. Вырастет—поумнеет. А ты, Леночка, с нами пойдешь?

Леночка (нахмурившись). Нет, не пойду. У меня уроки. (Садится за письменный стол).

Иван Дмитрич (одевшись, в сторону детской). Идешь, Лена?

Елена Петровна. Сейчас, причешусь только, ты внизу подожди.

Иван Дмитриевич уходит.
Танюшка собирает посуду, стада у стола... опустила голову.

Леночка (оборачивается). Ты чего, малыш? О чем задумалась?

Танюшка (покосившись на дверь в детскую. Тихо). Об дому... Об своем... Скушно без своих. Истомилась я. Каждая тетка на улице за маманю представляется.

Леночка. А ты, погоди! Разве это так трудно устроить, чтоб ты домой повидаться с'ездила?

Елена Петровна (из детской). Лена, не болтай, чего не следует. Не она первая, не она последняя. Как же другие в городе живут? Поскучает, поскучает и привыкнет.

Танюшка. К людям, конечно, привыкаешь. Нешак вам не привыкла? Ровно свои. А все об доме думка из ума нейдет.

Леночка (тихо). Устрою я, вот увидишь, устрою.

Танюшка (печально покачивает головой). Ну, зачем тебе горя набираться? И так тебе через меня одна неприятность.

Елена Петровна (выходя). Неси посуду мыть, не стой даром. (Уходит).

Леночка. Эх, малыш, а чтоб нам раньше позаняться? Посуда не убежит, времени до вечера много— успеешь. Про муху читала? Стихи переписала?

Танюшка (усаживаясь за стол). Про муху-то прочитала все. Занятно очень. А стихи не успела. Стирка до полночи шла.

Леночка. Опять до полночи? Ведь у нас с мамой только недавно из-за этого ссора вышла. Опять, значит, с мамой мне говорить?

Танюшка (горячо). Опять беды через меня набираться? И не думай, и не хочу я, и брось ты...

Леночка. Да, как ты сама не понимаешь, что так нельзя. Как не понимаешь, что сама должна защищать свое здоровье и силы.

Танюшка (перебивая). Понимать-то я понимаю. А только тебя жалеючи, так говорю.

Лена (укоризненно). Всех жалеешь, кроме себя.

Арина Николаевна (в дверь). Дочки, заприте за мной. Мне в парк время. Вы что ж тут делаете? (Подходит к столу). Это Таня сама писала?

Леночка. Ну, да. Это она спешила. Она лучше умеет.

Арина Николаевна. Ай-да, Татьяна! Здоро-

во тебя Лена выучила. Да ты, чего доброго, и в пионерки запишешься?

Леночка (*горячо*). Конечно... У нас сейчас в план заданий входит привлечение в клуб неорганизованных ребят... Я Татьяну в ту среду в клуб сведу.

Арина Николаевна. Куда же ты-ее такую в клуб... нескладную. Ишь, башмаки с дыркой, юбка до земли.

Леночка (*оживленно*). Арина Николаевна, вы мамину юбку перешивать будете—сделайте покороче.. как у меня. А я ей косынку красную. Только шейте поскорее, а то она у вас целый месяц уже лежит. Сошьете?

Арина Николаевна. У тебя мать в портнихах была. Чего ж она сама не сошьет?

Леночка (*опуская голову*). Ну-у... Мама не любит, когда ей об этом напоминают.

Арина Николаевна. То-то и оно-то.

Танюшка. Сошьешь, что ли?

Леночка (*оживляясь, прыгает возле Арины Николаевны*). Сошьете, сошьете. (*Тормошат ее*).

Арина Николаевна (*отбиваясь от них*). Сошью, сошью, отстаньте только (*бежит к дверям, девочки за ней, шум, возня*).

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Та же комната, празднично убранный стол. Самовар. Люстра. Сумерки. Елена Петровна принаряжена. Леночка в новом синем платье. Красный галстук. Мика в новом костюме. Шура, Вера, Ольга, Витя, Костя, пионеры— все за столом.

Елена Петровна (*приподнято любезно*). Кушайте, кушайте—угощайтесь. Это Леночка сама, по случаю своего рождения, пекла. В первый раз.

Шура (*причмокивая*). Вкусно.

Вера (*весело*). Молодец, Еленка! (*С иронией*). Примерная хозяйка из тебя выйдет.

Витя. Она и штопать умеет. Я вчера в школе, во, рукав разорвал. Ну, думаю, теперь домой лучше не показывайся. А она это нитку, иголку и вот. (*Показывает локоть*). Видно?

Все смотрят, смеются.

Костя. Ничего. То-есть ни крошки.

Ольга. Ай да, Еленка! И швец, и жнец, и в дуд игрец.

Елена Петровна (*жеманно*). Шурочка, вам чаю налить еще можно?

Шура (*встряхивая стриженными волосами*). Можно.

Елена Петровна (*наливает*). Что-то наши взрослые гости задержались. И папа с ними. Зашел за тетей Катей и застрял.

Леночка. Тетя Катя разве так легко из своей палатки уйдет? Все будет бояться, что компаньон убыток сделает. Мы их, видно, и не дождемся. Нам ведь в клуб сейчас.

Елена Петровна (*в ужасе*). Лена, что ты! Как же можно. Тетя Катя придет, Василий Михайлович с женой,—а новорожденной нет.

Леночка (*со смехом*). Ничего, мамочка. Я на будущий год опять рожусь.

Ребята хохочут.

Елена Петровна (*сдерживаясь*). Но нельзя, Лена. Обидно ведь им будет.

Леночка. А ты, мама, их пирогом, конфетами, грушами, у них сразу обида пройдет.

Ребята перемигиваются, улыбаются.

Елена Петровна (*проникновенно*). Лена, но ведь тете Кате больно будет такое отношение...

Леночка (*тряхнув головой*). Ну, ладно. Тетю Катю обождем. Ладно, ребята?

Все Обождем. Немножко можно. Минут на пять затынем.

Ольга. У нас сегодня собрание очень важное. Мы ко дню работницы готовимся. Мы у нашего шефа за-

вода «Трактор» пьеску для детей рабочих ставить будем. Потом концертное отделение.

В и т я. Эх, как я там директора играю! *(Вскакивает из-за стола, надувает щеки, сверкнув глазами)*. А почему непорядок в котельной, а почему механика нет?

Все хохочут, хлопают в ладоши — браво, браво!

Елена Петровна *(снисходительно улыбается)*. Верочка, дайте вашу чашку. *(Хочет налить)*. О, да тут воды совсем нет, самовар распаяться может, Татьяна! Сейчас, Верочка, он скоро закипает, Татьяна!

Леночка *(звонко)*. Таню-ю-у...

Елена Петровна *(вставая, в дверь)*. Татьяна, неужели не слышишь? Долей самовар. Да пойдешь ты, наконец?

Танюшка входит, от смущения глядит в пол. Все смотрят на нее, она закрывается рукавом.

Мика *(хохочет)*. Га-га-га...

Елена Петровна *(деланно улыбается)*. Да бе-ри уж, ты, поскорей самовар без фокусов.

Ольга. Чего ты нас стесняешься, Таня? Авось мы такие, как и ты... Одинаковые. Из одного теста.

Вера. Вот смешная. Таких несмелых теперь за уши дерут.

Танюшка ухмыляется и с самоваром бежит к двери.

Костя. А знаете, ребята, Шурка какие стихи ко дню работницы сочинила? Я даже удивился.

Все. Прочти, Шурка, прочти.

Шура. Потом, в клубе, сейчас нипочем. Не к месту.

В е р а. Ну, и шут с ней. В клубе прочтет.

О л ь г а. Тогда давайте хором чего-нибудь. Люблю. Мне всегда от хорового пения летать хочется. (*Несколько раз взмахивает руками*). Так и подмывает, так и подмывает.

К о с т я. Давайте «Красную Армию».

В с е. Ладно. Идет.

Поют.

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон.
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней.
Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой
И все должны мы неудержимо
Идти в последний смертный бой.

Звонок.

М и к а. Это папа, папа. (*Бежит в переднюю, хлоп дверью в лоб*).

Т а н ю ш к а (*за дверью, визгливо*). Ай!..

Все к двери.

Ш у р а (*весело*). Что такое, кого убили?

Л е н о ч к а. Да, ты, зачем тут стояла, почему не в комнате? Иди к нам.

Все тащат ее в комнату. Т а н ю ш к а упирается. Ее хватают кто за пояс, кто за рукав. Звонок.

Е л е н а П е т р о в н а. (*Кислая гримаса*). Ну, уж мне сегодня, видно, самой отпирать придется. (*Уходит*).

Леночка (*втаскивает Танюшку первая*). Оставьте ее теперь, ребята. Я ее в среду ведь в клуб приведу Обязательно.

Вера. Еще, значит, одна неорганизованная.

Ольга (*поет*). В нашем полку прибыло, прибыло

Все подхватывают, хлопая в ладоши.

Ой, дид, ладо прибыло, прибыло.

В это время входят Елена Петровна, Иван Дмитрич, тетя Катя.

Все. Поздравляем, Иван Дмитрич, поздравляем!

Иван Дмитрич. Спасибо, спасибо. (*Наступает Шуре на ногу*). Ох, виноват.

Шура (*прыгая на одной ноге*). Уф!

Смех.

Тетя Катя (*торжественно*). Поздравляю тебя, Леночка, будь умницей, послушной, поменьше рассуждай, побольше слушай старших. Вот тебе на память (*Подает крючок для вязанья и нитки*). Вяжи себе в приданое. Я в твои годы на всю семью вязала. Наволоки, полотенца—вся моя работа. И никто не заставлял—сама. (*Довольно*). Такая уж рукодельница росла. Во время ее слов пионеры переглядываются и улыбаются.

Леночка. Спасибо, спасибо, тетя. Очень тронута. (*Кладет на этажерку, лукаво улыбаясь*). Давайте, ребята, в честь тети Кати «Марш пионеров». (*Поют задорно, весело*).

Вейтесь кострами,

Синие ночи,

Мы, пионеры—
Дети рабочих!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
— Всегда будь готов!
Будем расти мы
Дружной семьей.
Всегда готовы
К труду и к бою.
Будем примером
Юных борцов.
Клич пионеров:
— Всегда будь готов!
Радостным шагом
С песней веселой
Мы выступаем
За комсомолом.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
— Всегда будь готов!
Грянем мы дружно
Песнь удалую
За пионеров,
Семью мировую.

Елена Петровна (во время пения делает знак Леночке, подзывает ее).—Ты мне прислугу в конце испортишь, она от работы отобьется. Сейчас же удали ее отсюда.

Леночка. Мама, у нее такое же сердце, как у меня и у тебя. Она здесь одна, без своих, она по дому скучает. Почему ж ей не повеселиться с нами? (*Повышает голос, пение слабеет и обрывается на словах «За пионеров, семью мировую»*). Ах, да что говорить? Все равно не поймешь. Не выпущу я ее отсюда. Не выпущу, вот и все! (*Возбужденно отходит к письменному столу*).

Ольга (*внимательно смотрит на Леночку*). Лена, а ты когда-то говорила, Таня «русскую» очень хорошо танцует... Пусть станцует сейчас.—А? Да что ты такая взволнованная?

Лена (*еще переживая свое возбуждение, не отвечает на вопрос*). Правда, Таня, станцуй нам.

Иван Дмитрич. Просим, просим!

Танюшка стесняется, ее тащат со стула. Костя садится за рояль, начинает играть. Танюшка отнимает руки от лица, вслушивается, выражение лица меняется, светлеет.

Все (*кричат*). Русскую, русскую.

Танюшка одну руку в бок, другой юбку, стукнула каблучком, поплыла. Ускоряя движения, платок с головы долой.

Быстрой, быстрой и с размаху на стул—хлоп.

Все. Bravo, Танюшка. Молодец. Вот это так русская.

Витя. Пусть на заводе станцует обязательно. Возьмем ее с собой на завод, ребята. День работницы ведь это ее день. Домашняя работница ведь она.

Ольга. Правильно. Укажем раньше на то, что она из деревни прямо, в первый раз в городе. Только только в отряд записалась.

Леночка (*качает головой*). Таня, Таня. Тебя учить бы надо. Она ведь музыку как любит, слушает как.

Тетя Катя (*сидя на диване, веско*). У нас в квартире у жилицы девочка, тоже тринадцать лет, но разве же сравнить. Та танцует загляденье, восторг.

Леночка (*вспыхнув*). Ваша девочка в школе учится третий год.

Шура. А она из деревни прямо.

Вера. Она сама, ее никто не учил.

Елена Петровна. Ну, гости, угощайтесь до конца, а там и мы за стол сядем. Вон орехи не доели. Подходите к столу, берите.

Шура (*подбегает*). Остатки сладки. На, Верка! (*Дает ей орехи*).

Ольга. У меня зубы заболели. Не хочу. Бери, Виктор, мою долю.

Витя. Вот так раз. Вместо одной доли—две. Не ждал, не гадал.

Леночка. Танюшка, а ты? Что ж ты. Подходи, бери. (*Тащит ее к столу*). Брось стесняться, пора уж. Бери, бери больше.

Танюшка несмело тянет руку, берет.

Леночка. Больше, больше бери.

Танюшка (*выпуская воздух*). Не в моготу.

Смех.

Ольга. Ну, и несмелая ты, Таня. Придется нашему звену тебя смелости учить.

Вера. Батюшки, ребята, ведь шесть часов.

Костя (*срывается с места*). Бежать. Бежать. (*На ходу*). Спасибо, Елена Петровна. Спасибо, Иван Дмитрич. До-свидания. (*Бежит в переднюю*).

Все. Торопливо благодарят, прощаются.

Леночка. Прощайте, тетя Катя. Прощайте!

Тетя Катя. Как, и ты? Вот это мило!

Леночка. Не могу, тетя Катя... У нас собрание. (*Убегает в переднюю*).

Тетя Катя (*вслед, громко, возмущенно*). Какие собрания могут быть у девчонки?

Елена Петровна (*пожимая плечами*). Ах, не говори. Отец молчит, а что я могу одна?

Все идут в переднюю. Смех. Визг. Шум.

Танюшка одна... Стоит посреди комнаты. Улыбается...

Переживает впечатления дня.

Елена Петровна (*входит, быстро подходит к Танюшке. Палец к носу. Раздельно*). Если ты места своего знать не будешь,—я тебя вон из дома выброшу. Слышишь? (*Токает ногой*). Я тебе покажу, как лапой своей в тарелку за орехами лазить. Ты помнишь должна, что ты прислуга. Расселась на стуле, со всеми за панибрата — распустилась. Посуду неси на кухню. Дрянь! (*Выходит в переднюю*).

Танюшка (*секунду стоит растерянно. Потом быстро оборачивается со злобой, с ожесточением в сторону посуды*). Тьфу!

З А Н А В Е С

КАРТИНА ВТОРАЯ

Передняя. Против сцены три двери — средняя из комнаты Елены Петровны открыта, видна внутренность комнаты, налево в конце передней парадный ход, направо в конце дверь в кухню, у которой Леночка в переднике, белой косынке, домывает пол. Танюшка в короткой юбке, в красной косынке, вытирает тряпкой по очереди все двери.

Леночка. Скорей, скорей вытирай. Я уж кончаю. А то в клуб на репетицию опоздаем. Последняя ведь. Сельное сегодня. Без репетиции тебя на завод не возьмут. Обязательно сегодня тебе в клубе станцевать надо. Ребята тебя ждут. Мама, как на зло, задержалась, не идет что-то. *(С силой трет пол)*. Эх, люблю я полы мыть. Сила в руках танцует. Ты поди сюда. Пощупай мои мускулы.

Танюшка. Да ну их, твои мускулы. Кажин день щупать заставляешь. Я вот дверь тру, а сама все об доме думаю. Зимой все бы ничего, а весна пришла — ровно голову кто снял, на волю тягнет.

Леночка. А як городу привыкла... Мне ничего.

Танюшка. Да... Без привычки плохо. Намедни бежала дрожжи покупать — парко. Бабы польты пораскрывали, шеи голые, воробьи звонко таково чиликают, а лошадь копытами — ток, ток... под самым носом извозчик проехал. Как вдарило это в нос потом лошадиным, детем, землей прелой — ровно очумела и... Домой потянуло.

Леночка. Я с мамой уже пробывала говорить, да разве ее так скоро уломаешь. Мне чего стоило ее убедить в клуб тебя отпустить. Сама знаешь, сколько вре-

мени канитель тянулась. А интересно ведь в клубе, правда?

Танюшка. М-м-м... (покачивает головой). Уж и занятно до чего. Уж и в охотку.

Звонок.

Танюшка. Ой, над самым вухом. (Звонко). Кто идет? (Оттирает).

Входит Елена Петровна и Мика.

Елена Петровна (с изумлением смотрит на Танюшку, презрительно фыркает). Обезьяна! А ты, Лена, что это? Что за маскарад?

Леночка. Никакого маскарада, просто помогаю Танюшке, потому что в клуб спешим. Ну, мой руки, Таня, да бегом. Нам еще за Костей с Шуркой забежать надо.

Леночка с Танюшкой уходят на кухню.

Елена Петровна с Микой раздевшись—в комнату.

Сцена пуста.

Елена Петровна входит и идет на кухню. Ей на встречу Танюшка в красной косынке, в желтом полушубке, довольная собой.

Танюшка (оглядывая себя). Что юбка, что косынка,—все складно, а только вот беда,—сапоги текуть.

Елена Петровна (с усмешкой). Бальные туфли тебе завтра куплю. (Выбегает Леночка, берет с вешалки пальто и шляпу).

Елена Петровна (из кухни). Татьяна, там мой платок носовой на комод, принеси мне.

Танюшка бежит за платком, выносит, подает в дверь.

Л е н а. Мика, запри. (Уходят).

М и к а (выходит, запирает. Басом). Бегают тут. Делом заняться не дадут. (Уходит в комнату).

Е л е н а П е т р о в н а (идет из кухни к себе). Дубина! Детский платок вместо моего принесла.

Сцена пуста. Елена Петровна выбегает.

Е л е н а П е т р о в н а (взволнованно, смотрит на пол, ищет на груди, опять на полу). Мика, ты брошки с комода не брал?

М и к а (из комнаты). Я и в детской-то не был. Я как пришел, так на диван да за книжку.

Е л е н а П е т р о в н а (возбужденно). Ведь одна секунда... ведь только на кухню вышла... Татьяна платок с комода брала... она—она одна заходила. В секунду не стало (опять бежит в комнату, ищет, выбегает назад). Мика, иди сейчас же в квартиру напротив, к Косте... они там, еще не успели уйти. Говорить ничего не смей, скажи, не знаю зачем мама зовет.

М и к а (убегает). Ладно... Вон они, на лестнице уже шумят... уходят.

Е л е н а П е т р о в н а (ломает руки). Бриллиант, бриллиант! Только положила и нет.

Леночка, Танюшка, Мика вбегают в переднюю. За ними входят Костя с Шурой.

Л е н о ч к а. Что такое, мама? В чем дело?

Т а н ю ш к а. Ай случилось чего?

Е л е н а П е т р о в н а. Да... случилось. Брошка у меня пропала... с комода. (Смотрит в упор на Танюшку). Ты не видала ее?

Танюшка (*недоуменно*). Я? н-е-е! Не видала.

Елена Петровна. Ты заходила платок брать, а она возле платка лежала.

Танюшка (*испуганно*). Платок брала, а брошки не видала.

Леночка. Да ты, наверное, помнишь, что положила ее на комод?

Елена Петровна. Конечно, помню... Вижу, как сейчас, рядом с платком Мишки. Кроме Татьяны, никто не заходил. Одна секунда—и не стало. Слушай, ты... отдай сейчас же брошку. Где она у тебя?

Танюшка (*в ужасе, широко раскрыв глаза, начинает вся дрожать*). Что ты, Елена Петровна, опомнись... Что ты... Чужую вещь... Да неш я возьму?..

Лена. Мама, как ты можешь, не видя, не зная...

Елена Петровна. Молчать! Не мешайся. (*К Танюшке раздельно*). Отдай брошку, или я сейчас же позову милицию.

Танюшка (*в ужасе*)... Ой, ой, мамынька. Да что ж это. Ой...

Костя с Шурой взволнованно переглядываются.

Елена Петровна (*более мягко*). Ну, я понимаю. Случаются ошибки, и со взрослыми бывает... А ты еще ребенок. Захотелось чего-нибудь купить—соблазнулась, думала продать задорого, а ей и всего-то цена прош, стекло вставлено.

Танюшка. Ой, не говори так, не говори. (*Рыдает*). Крохи единой, хлеба без спросу никогда не взяла, а тут... (*Сильнее рыдает*). В воровки попала.

Леночка *(берет ее за плечо)*... Погоди плакать
Погляди на меня. Ты не брала брошку?

Танюшка *(страстно от души)*. Нет, не брала я,
не брала, и видать не видала. Не знаю я ничего, знать
не знаю.

Леночка *(взволнованно)*. Таня, я тебе верю.
Понимаешь? И плакать перестань. *(Твердо)*. Я тебе ве-
рю и ни на минуту и не подумала плохо о тебе.

Елена Петровна *(визгливо)*. Как ты смеешь...
вместо того, чтоб врасплох...

Лена *(с силой тянет мать за рукав в комнату.*
Властно, почти приказывая). На минутку, на минутку
иди сюда *(захлопывает дверь)*.

Танюшка *(стоит у стены, хлопает в рукав)*. Ой,
мамынька... желанная, кабы знала ты, кабы ведала!

Шура. Не плачь... Не плачь, Таня... Ты погоди
плакать.

Елена Петровна *(проходит в кухню)*. И
искать нечего... все обыскала. Нет нигде. Как в воду
канула. Я докопаюсь, я узнаю, кто взял.

Танюшка рыдает громче...

Леночка *(распахнула дверь, возмущенно)*. Ма-
ма, как не стыдно! Как не стыдно! Мама! *(Топает*
ногой).

Елена Петровна выскакивает из кухни.

Леночка. Вот она... *(Задыхается от волнения)*.
Вот она, твоя брошка. В туфле... ночной туфле возле
комода. В туфлю упала.

Елена Петровна (*слегка смутившись, берет брошку*). Я искала... Я смотрела и там: (*Скрывается за дверью кухни*).

Леночка (*вслед громко, возмущенно*). Обвинить оскорбить... не задумываясь, сразу...

Танюшка (*в голос*). За напрасну... ни прошто.. (*Громче*) воровкой... и пожалиться некому...

Костя. Как некому, а мы? Ты забыла, что ты теперь пионерка?

Шура. За твоей спиной целое звено.

Костя. Мы в клубе сейчас все обсудим. Идем с нами вниз в клуб.

Шум на лестнице, в дверях Вера и Витя.

Вера (*запыхавшись*). Почему ж вы в клуб не идете? Вы к Косте с Шуркой, говорят, ушли (*смотрит на Леночку, на Танюшку*). Что такое... Что вы тут все такие... странные какие-то.

Витя. А Таня даже плакала.

Костя. Неприятность тут вышла...

Шура (*перебивая*). Танюшку в воровстве обвинили... Потом выяснилось, что это ошибка,—но ей, конечно, обидно, тяжело...

Костя (*горячо*). Она говорит—пожаловаться некому, а я говорю—как некому, а звено?

Сильный стук в кухонную дверь.

Витя. Правильно... мы тебя в обиду не дадим.

Костя. Вниз идем, в клуб. С нами идем, сейчас.

Стук в дверь еще сильнее.

Елена Петровна (*выходит из комнаты, проходит в кухню, насмешливо*). Видишь, у тебя сколько защитников... Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Попробуй теперь обидеть тебя. (*Скрывается за дверь*).

Танюшка (*опять закрывает лицо руками, новый взрыв обиды*). При всем, при народе... осрамить за напрасну.

Леночка. Да ты оставь плакать: ты, видишь, все к тебе с открытой душой, хотят помочь.

Мика (*перебивая, с хохотом, несет из угла половую тряпу. Передразнивая Леночку*). «Перестань плакать... утри слезы».

Леночка вырывает тряпку, выталкивает Мiku на кухню—захлопнула дверь.

Шура. Ну, в клуб, в клуб скорей. (*К Танюшке*). Идешь?

Танюшка. Иду, конечно.

Дверь из кухни на распашку, в дверях Елена Петровна, Мика, за ними дядя Микол.

Елена Петровна (*с деланной улыбкой*). Ну, Таня, я тебе гостя привела. (*К дяде*). Она тут расстроилась немного... глаза на мокром месте.

Танюшка (*медленно оборачиваясь, всплеснув руками*). Дядя Микол... дяденька. (*Бросается к нему со слезами*). Дяденька... Бери меня отсюда, враз бери. Без одумки...

Дядя Микол (*растерянно мнет в руках шапку*). Да ты—того... Ты постой—погоди-ка.

Танюшка. И не думай, не раздумывай... Бери меня, бери меня отсюда и вся тут.

Дядя Микол. Да погоди ты... Дай сперва хучь взглянуть на тебя.

Танюша (плача). Не останусь я тут... Нипочем не останусь...

Дядя Микол. Да с чего это ты.. враз так. Вышло тут чего у вас, что ли?

Костя. Вышло, вышло. В воровстве ее обвинили.

Елена Петровна (мягко улыбаясь). Недоразумение вышло... Брошка у меня пропала. Ну, думала, девочка польстилась... Дети—они ведь, сами знаете, какие! Понравится—возьмут, не подумав, как следует. Ну, и нашлась брошка—и что ж тут особенного. А она в рев, защиту вокруг себя собирает...

Леночка. Никого она, мама, не собирает... а обвинение в воровстве не так легко переносить.

Дядя Микол (чешет в затылке). Да... не того... На живого на человека грех взводить... да она, мать, кабы знала... ой...

Елена Петровна. И никакого греха особенного нет. Подумать на ребенка—какой-же это грех? Я б и на своего также подумала.

Леночка. Мика там сидел, однако ты на Микку не подумала?

Мика из-за спины Елены Петровны показывает Леночке кулак.

Елена Петровна (в сторону Леночки). Вот видите, какие теперь дети пошли!.. От своих терпишь,

а от чужих... (Взгляд полный ненависти в сторону Танюшки). От чужих и подавно... (Уходит в комнату).

Танюшка (порывисто). Поеду я, с тобой поеду. Истомилась я тут вся... Об своих соскучилась.

Костя. Да ты погоди уезжать... Сразу, сгоряча.

Танюшка. Нет, нет—не хочу я случаю упустить... Ну-к другого случая не случится. Одно ехать, думаешь в охотку.

Костя. Что ж ты уедешь, и дело так оставишь? Тебя оскорбили, обидели, а ты и защищать себя не хочешь.

Танюшка (горячо). А когда защищать-то?.. Ну-к он, дядя, враз уедет?..

Шура. Останься, Таня.

Елена Петровна (выходя, точно обрадовавшись). Правда, Таня, оставайся. Мало что выходит между своими, ссоры какие случаются. (К дяде). Конечно, увидала своего, расстроилась. Уедете вы—она все и забудет... Вы что же, думаете ее брать?

Дядя Микол (раздумчиво). Да она, мать-то и не ждет... над грамоткой ейной слезу ронит, а все ж говорит: до нового хлеба дотянула бы девка. Троих прокормить, обути, одеть—тоже одной бабе не всласть... Пуцай, говорит, девка обувку, одежку там зарабатывает...

Танюшка. Ничего я тут не заработала... Каждый день Леночка с матерью обо мне толк ведет, каждый день через меня беды набирается—сегодня—завтра, сегодня—завтра, а платить, не платит она,

Елена Петровна-то. Он, Иван Митрич, платить приказует. Да только не слушает она его, Елена Петровна-то.

Дядя Микол. Та-ак—задаром, значит, работу осиливаешь?

Костя. Как задаром... ей жалованье полагается.

Леночка (*усмехаясь*). Мама говорит, она жалованье в руки Танюшке не дает, хочет матери ее отдать.

Костя. Ну, вот и можно передать деньги матери через дядю.

Елена Петровна (*с кислой улыбкой*). Я говорила, буду платить жалованье, когда она подучится.

Леночка. Она у нас уж четыре месяца живет. Она стирать, суп варить научилась, котлеты сама делает.

Шура. Уж вы, Елена Петровна, не обижайте Танюшку. Ей полагается жалованье.

Вера. Правда, правда, Елена Петровна, не надо ее обижать.

Елена Петровна. Ишь, какие защитники горячие. А ведь у меня с ее матерью и уговора никакого не было. Просто порешили на том, что я назначу ей жалованье, когда найду нужным. (*Более твердо*). Просто, когда захочу.

Витя. Елена Петровна, вы не сердитесь. Ну, только помните, вы сами говорили, что каждый человек в праве требовать вознаграждение за свой труд... Помните, когда Ивану Дмитриевичу отказали в выдаче сверхурочных, указали на то, что это входит в его обязанности, помните, как вы возмущались?

Елена Петровна. Ах, Витя, это совсем другое дело. А тут я платить ничего не обязана.

Витя. Нет, Елена Петровна, так нельзя. Она у вас работала,—не обижайте ее.

Вера. Собственно говоря, это дело профсоюза. Надо, чтобы союз разобрал и решил этот вопрос.

Елена Петровна вскидывает на нее пенснэ.

Костя. Конечно.

Витя. Да она ведь ждать не хочет, Танюшка-то. Вот в чем беда. (К дяде Миколу). Вы когда едете?

Дядя Микол. Сейчас едем... Пospешать надо. Машина, она не ждет.

Елена Петровна (обрадованно торопит). Конечно, конечно. Раз решили, то и поезжайте с богом... Не опоздывайте. Иди, собирайся, Таня.

Костя. Нет, погоди, Таня. Надо еще вопрос с жолованьем решить.

Шура. И, раз дядя ехать сейчас собирается, надо решить нам самим.

Дядя Микол. Да чего долго решать-то? Вон она, Кланька, на месте служит акурат в Танюшкиных годах. Восемь рубликов ей за месяц положили.

Леночка. За четыре месяца Тане, значит, следует 32 рубля. Папа, приблизительно, так и считал, когда я с ним говорила.

Танюшка (ухмыляясь). Ну, за первый за месяц я и брать не стану, потому обучалась только. Опять же сколько свету лишняго через меня погорело! Колышек на стенке вертеть позабывала. Первый месяц

это не в счет, а уж по второму месяцу. (*Конфузясь от удовольствия*). Сама пюрю картофельную сготовила.

К о с т я. Так ведь тебе полагается еще и за проз-одежду, и за неиспользованный отпуск...

Д я д я М и к о л. Одним словом, в общем, на тридцати рублях поладим, и конец. Вот девку обидели ни за что. Ну да сейчас время нет толковать об этом. Так согласна, что-ль на тридцати рублях покончить?

Е л е н а П е т р о в н а (*с горькою усмешкою*). Будешь согласна, когда другие за тебя решают. И кто решает?—дети.

Д я д я М и к о л. Дети-то, они хучь и дети, а соображают будто ничего... Как след... Правильно... А вот только незадача какая вышла, вот об чем думка. И брать девку не в охоту, и оставлять—не останется.

Е л е н а П е т р о в н а. А может останешься? Не спеша тогда все с тобою обговорим, про жалование сговоримся.

В е р а. Правда, Танюшка, оставайся! Жалко ведь, только в клуб начала ходить, учиться, и вдруг все сразу бросить!

Ш у р а (*тряхнув волосами*). Оставайся, чего там! Отпускать тебя жалко, по правде сказать!

Т а н ю ш к а. Ни... почему я не останусь, ни почему! Кабы эта лихота с брошкой не приключилась, может и скрепилась бы, а так ни почему! (*горячо*). Ну-к чего опять пропадет—опять на меня думка?!

Е л е н а П е т р о в н а (*так же горячо*). Никакой думки на тебя не будет! Об этом не беспокойся! (*усме-*

хаясь). Слово тебе честное даю, никогда больше о тебе дурно не подумаю!

В е р а. Ну, что-ж ты, не передумала? Видишь, тебе Елена Петровна честное слово дает!

Д я д я М и к о л (*нерешительно*). Оставалась бы ты, девка, а?! Право, оставалась бы! (*с юмором*). Ну, куда я тебя дену, как мать не примет? Ведь она и не ждет тебя, вот в чем главное!

В и т я. Ты вот что, Танюшка, деньги тебе Елена Петровна платить соглашается,—ты их матери с дядей и пошли. А сама оставайся!

Т а н ю ш к а. Я-б осталась... к людям, конечно, привыкаешь... бросать жалко, ну только... лучше я пу-щей сама матери деньги свезу!

В и т я и Ш у р а смеются.

Л е н о ч к а (*радостно*). Она сдается, Танюшка сда-ется!.. Только я догадываюсь в чем дело! Ей и уезжать жалко, и по своим, по матери, по деревне соскучилась очень!

Т а н ю ш к а (*смущенно улыбается, клонит голову*). Ну, ясно дело, истомилась я тут, с непривычки. Об своих исстаралась! Хуч-бы на денечек единый—раз'-единенный, с'ездить повидаться! (*Закрывается рукавом, всхлипывает*).

Д я д я М и к о л (*добродушно*). Вон ты об чем? Ну, это слезы не велики... поплачешь, утрешься—и нет ничего!

Л е н о ч к а (*горячо*). Нет, нет! Она скучает очень! Она давно уже скучает! Я все обещала ей устроить поездку домой... повидаться!

Т а н ю ш к а. Больно охота своих поглядеть! Каждая тетка на улице за маманю представляется. Линька, поди, по плечо уж мне! Ванятка—он меньшей, об ем душа больше болит!

Л е н о ч к а. Вот я и говорю—ты поезжай повидаться! На лето поезжай. Отдохни, сил наберись, а к осени к нам вернешься!

Т а н ю ш к а (*просияв*). Ну-к, что жа! Это бы в самый раз! Думаешь, не привыкла я к квам? Это бы чего лучше? Только бы своих повидать! (*Дяде Миколу*). Да ты не хмурси! Я за лето свое оправдаю! Огороды пойдут, у людей полоть стану! А там докос, а там картошка... к осени на башмаки заработаю.

Щ у р а (*весело*). Ну, вот... в новых башмаках тогда к нам в Москву и кати!

В и т я. Чтоб к октябрьским дням обязательно здесь была! На грузовике с нами поедешь, в клубе нашем русскую плясать будешь!

К о с т я. Ну, значит, вопрос решен, едешь до осени!

Т а н ю ш к а (*со счастливой улыбкой качает головой*). Ну, да! До осени до самой!..

Д я д я М и к о л (*не слушая Танюшку, с юмором, прищурив глаз*). Решен вопрос! Все порешили! Без меня меня женили! В компании, дескать, дядя Микол, тебе повеселей домой ехать! А может, я ее и брать-то не возьму.

В с е (*весело*). Нет, нет! Берите, берите! Не отказывайтесь!

Л е н о ч к а (*задорно*). Подчиняйтесь общему решению!

Вера. Кто за то, чтоб Танюшка ехала до осени, поднимите руки!

Все поднимают руки.

Мика (*выскакивает из комнаты*). Я против!.. Я против! Я ее не успел в Зоологический взять! Она в чертей не верит, я ей там чертей хотел показать, доказать...

Костя (*одергивает его недовольно*). Брось шута строить!

Витя. Все за то, чтоб Таня ехала до осени!

Леночка (*шутливо*). Ничего не пропишешь, дяпушка! Подчиняйтесь большинству и берите!

Дядя Микол. Да уж ясно от ей не отвяжешься! Ах, ты и девка незадачливая какая, право! Вон Кланька служит и служит, а тут—на тебе! Думали без горя жить будет, к городу привыкать станет...а оно нескладно как-то вышло... И брошка эта подвернулась—пропади она совсем. Одним словом, незадача, что и говорить (*тряхнув головой*). Ну, ничего не пропишешь! Ехать надо!.. Время не ждет!

Елена Петровна. Деньги вам, значит, сейчас отдавать надо?!

Дядя Микол. Ну, ясно дело, сейчас!

Елена Петровна (*раздумчиво, точно питая надежду на что-то*). Все давать, или может пока половину?

Дядя Микол. Ясно дело, все! Что же нам за половиной в другой раз ездить?

Елена Петровна (*скрывая раздражение*). В таком случае, я вынесу сейчас расписку... расписаться вам придется! (*Уходит*).

Леночка. Ну, вот и исполнилось твое желание! Рада? (*Трясет ее за плечи*). Скажи, рада?

Танюшка. Ну, тебя!.. Кофту порвешь! Ясно дело, рада!

Костя. Ты вот что, Таня! Когда соберешься, в клуб заходи! Мы там с тобой еще поговорим!.. Относительно деревенских ребят.

Вера. Правда, правда! Книжек дадим!.. Ты в деревне ребят собирай, книжки вместе читать будете!

Шура. Звено вам книжки присылать будет.

Витя. Мы об этом в клубе подробно поговорим! А то мы и так сильно задержались!

Леночка. До осени, значит, тебя провожаем?!

Шура (*хлопая в ладони*). До осени, до осени!

Вера. До скорого свидания, одним словом.

Костя. Ай да, ребята, вниз! В клуб..

Вера (*поет шутливо*). Смело, товарищи, марш вперед!

Все (*подхватывают*). Реввоенсовет нас на фронт зовет! (*Бегут вниз по лестнице*).

Мика. И я с вами!.. И я с вами! Смотреть, как Танюшка с клубом прощаться будет.

Леночка (*на минуту задержавшись*). Смотри же, Таня, я тебя в клубе ждать буду. Мне тебе еще много сказать нужно!.. Бумагу, конверты тебе дам, марки, чтоб письма писала! Скорей приходи! (*Убегает*).

Елена Петровна (*выносит расписку*). Вот... деньги! (*Читает*). Тридцать рублей сполна получила, претензий не имею! Распишись вот тут! (*Подает бумажку, карандаш*).

Дядя Микол. Да куда ей!.. Неграмотная ведь она!

Танюшка (*оборачиваясь от стенки, к которой приложила расписку, горячо, сердито*). Как же! Неграмотная! За милую душу сейчас распишусь.

Дядя Микол (*недоумевая*). Да как же это ты?!

Танюшка (*в тон*). Да так же!.. Через Леночку! Думаешь в Москве неграмотному можно прожить? (*Авторитетно*). Нипочем!

Дядя Микол (*пересчитывает деньги, аккуратно складывает, поднимает с полу бумагу, завертывает, кладет в шапку, одевает шапку плотно на голову, усмехается*). Теперь до самого дому шапки не снимать! Голова дороже тела, одним словом! Ну, а ты, дочка, того... вещи собирай! Машина, она не ждет! Поедет—не догонишь!

Танюшка (*радостно*). Я в раз! И собирать-то всего—кофта старая да передник! А бельишко и так всегда в узолчик увязно! (*Бежит в кухню*).

Елена Петровна. Едет, значит, Татьяна! (*тонком упрека*). А ведь не зайти вы, она и не уехала бы!

Дядя Миколо (*виновато*). Да, уж можно сказать... нанесло в нелегкую минуточку! Незадача какая получилась! В город рядили, думали жить да жить будет девка, а тут... на тебе! Да скоро ты там? Ты потапливайся!

Танюшка (из кухни). Чичас!.. Узолчик увязую!
(Выходит с узелком, довольная).

Дядя Микол (встает, кланяется). Ну, прощай-те!.. Лихим не поминайте.

Танюшка. Прощай, Елена Петровна!.. Иван Митричу поклон!

Елена Петровна. Прощайте, прощайте! (Запирает дверь, идет к себе. Стук в дверь, громкий, торопливый).

Елена Петровна (испуганно). Кто там?!

Крик Танюшки за дверью. Колышек!.. Колышек повернуть позабыла!.. На кухне! Свет заверни! (Уже удаляясь). Свету лишнего задаром сколько погорит!..

З А Н А В Е С